„Пров

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ СКАЗКИ

2-ой выпускъ.

Сказка о богинѣ.

Сказка о слонахъ.

3-ья тысяча изданія.
Предоставлена авторомъ
въ распоряженіе Бунда.

Ішк
Бунд.

ЖЕНЕВА.
Типографія Бунда.
Imprimerie israélite, rue de Carouge 81, Genève, Suisse.
1905.

„Пров 38"
„Пров 49"
1 шк
Бумд
АКАДЕМИЯ
214591.

Сказка о богинѣ.

Ждали въ одинъ городъ великую, мудрую, могучую богиню. А богиня не приходила. И такъ какъ богиня не приходила, замѣшкалась, то многимъ, не терпѣливымъ, наскучило ее ждать, другіе, въ вѣрѣ нетвердые, позабыли о ней и обратились къ инымъ богамъ, а третьи возроптали, говоря:

— Да еще придетъ ли къ намъ богиня то? Можетъ быть, мы ей не по климату? А, пожалуй, даже и то: существуетъ ли на свѣтѣ эта самая богиня? Мы ее ждемъ и ей молимся, а вдругъ она — миѳъ?

Обидѣлась богиня, что ее почитаютъ за миѳъ, и — придти не пришла, но явилась въ сонномъ видѣніи главному жрецу своему и сказала:

— Послушай, жрецъ. Это ужасно глупо со стороны твоего народа: сами же виноваты, что я не прихожу, а ругаете меня миѳомъ. Какъ же мнѣ къ вамъ придти, когда никто изъ васъ меня къ себѣ не зоветъ? Какова я ни есть, всетаки дама: никуда въ гости не хожу, не званая.

— Помилуй, матушка-богинюшка, — возопилъ жрецъ, — что ты? Богъ съ тобою! Какъ мы тебя не зовемъ? Да мы, всѣмъ городомъ, только тѣмъ и занимаемся теперь, отъ мала до велика и съ утра до вечера, что взываемъ къ тебѣ: приди, желанная! золотая, приди!

— Не знаю, — отвѣчала богиня съ гримаскою, — слушаю я васъ достаточно, а имени своего настоящаго, вслухъ

произнесеннаго, ни разу не слыхала... Все вы какую-то „Незнакомку“ призываете, либо жену какого-то Константина, либо „ее“, а меня — нѣтъ! не слыхала!

— Матушка богинюшка! воскликнулъ жрецъ. Недоразумѣніе! видитъ Богъ: недоразумѣніе! Какъ же ты не догадалась? И „Незнакомка“, и „жена Константина“, и „она“, и еще именъ съ десятокъ наберется — вѣдь это же все ты, ты, ты! Это тебя мы подъ разными именами ждемъ и зовемъ! И пора тебѣ на зовъ нашъ откликнуться!

Покачала богиня головою.

— Нѣтъ, братъ: мы, боги, народъ прямолинейный, метафоръ, аллегорій и прочихъ реторическихъ фигуръ не понимаемъ. Если человѣкъ хочетъ, чтобы божество къ нему пришло, долженъ онъ громко и ясно призвать божество всенародно его настоящимъ именемъ. На то намъ и священныя имена наши даны. Вѣдь знаешь ты мое истинное имя? знаешь, старикъ?

— Знать то знаю... — протяжно сказалъ жрецъ.

— А, если знаешь, то зачѣмъ же ты зовешь меня псевдонимами?

— Матушка богиня! жалобно возразилъ старикъ. Да развѣ я радъ псевдонимамъ? Но — что же дѣлать? Посмотри направо: солдатъ съ ружьемъ стоитъ. Посмотри налѣво: солдатъ съ саблею стоитъ. Посмотри прямо: солдатъ съ пикой стоитъ. Оглянись назадъ: солдатъ пушку наводитъ. И вся эта порода имени твоего настоящаго терпѣть не можетъ. И — стоитъ мнѣ только одинъ разъ назвать тебя громко по имени, чтобы сейчасъ же тутъ мнѣ и — канутъ!

Засмѣялась богиня.

— Ну, говоритъ, — какъ знаешь, твое дѣло, жрецъ. У тебя свое разсужденіе, у меня свое. На псевдонимы я, хоть обкричись, не отзываюсь!

И улетѣла, напѣвая себѣ подъ носъ изъ Некрасова:

Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ...

Утромъ собралъ богининъ жрецъ подвластныхъ ему жрецовъ и говоритъ:

— Господа! Бысть мнѣ сонъ въ нощи: видѣлъ я...

И вдругъ расхрабрился:

— Да — что, въ самомъ дѣлѣ, — думаетъ, — чего робѣть и мѣшкать? Хвачу ее, голубушку, во всеуслышаніе en toutes lettres, и вся недолга!

И уже разинулъ ротъ, чтобы гаркнуть, да — къ бѣдѣ своей, на окно покосился, — анъ, за окномъ то пика торчитъ...

Поверхнулся жрецъ, кашлянулъ, высморкался, платкомъ утерся и продолжалъ уже тонами пятью ниже:

— Да-съ... того-съ... такъ, вотъ изволите ли слышать, удостоился я лицезрѣть... того-съ... извѣстную намъ особу-съ... женскаго пола-съ... да-съ!... И сказала мнѣ извѣстная женскаго пола особа-съ, что — покуда вы меня псевдонимами будете кликать, до тѣхъ поръ лучше и не ждите меня къ себѣ, жрецы! А ежели кто изъ васъ осмѣлится и позоветъ меня настоящимъ моимъ именемъ, то къ такому бравому парню я сама сейчасъ же сама явлюсь... да-съ!

Стали жрецы между собою переглядываться, но — какъ, переглядываясь, они и окна видѣли, а за окнами пика торчала, штыкъ хладный нависъ, фитили курились, то и охотниковъ назвать богиню по имени оказалось весьма немного.

Однако, выступилъ впередъ кое кто.

— Я, сказалъ главному жрецу первый охотникъ, — гражданскимъ мужествомъ своимъ хвалиться не стану. Прямо говорю: назвать богиню нашу вслухъ открыто ни за что не рѣшусь. Но я хитрый: пойду сейчасъ на площадь и заставлю ловкостью и обиняками своими какого нибудь мужественнаго прохожаго выкрикнуть ее, желанную, на весь городъ.

И сдѣлалъ, какъ хотѣлъ. Благо, время святочное, притворился, будто гадаетъ, либо въ фанты играетъ, и давай приставать къ прохожимъ:

— Душка публика! Какія знаете вы слова, начинающіяся на к о н?

Проходилъ тайный совѣтникъ Мартенсъ, сказалъ:

— К о н ференція!

Проходилъ генералъ Кирѣевъ, сказалъ:

— К о н грегація!

Проходилъ басъ Антоновскій, рыкнулъ:
— К о н серваторія!
Проходилъ генералъ Ковалевъ, сказалъ:
— К о н ическое... сѣченіе!
Проходилъ генералъ Куропаткинъ, сказалъ:
— К о н трибуція!
Проходилъ К. П. Побѣдоносцевъ, сказалъ:
— К о н чина міра сего!
Проходилъ генералъ Богдановичъ, сказалъ:
— К о н тракты угольные!
Проходилъ горный инженеръ, сказалъ:
— К о н оваловскій к о н фликтъ!
Проходилъ В. В. Розановъ, сказалъ:
— К о н систорія-съ!
Проходилъ г. Теляковскій, сказалъ:
— К о н ногвардеецъ!
Проходилъ генералъ Фулонъ, сказалъ:
— К о н ный городовой!
Другіе говорили:
— К о н ьякъ, К о н танъ, К о н ка, К о н кордія...
А двое даже:
— К о н канъ и К о н целярія.

Но сіи послѣдніе оказались издателями иллюстрированныхъ журналовъ съ преміями, чѣмъ эта ихъ ороографическая вольность и объяснилась вполнѣ удовлетворительно.

Тогда охотникъ, видя, что хитрость его не слишкомъ хитра, и всѣ заряды попадаютъ не въ надлежащіе центры, рѣшилъ прибѣгнуть къ методу наведенія: взялъ перваго прохожаго за пуговицу и говоритъ ему:

— А вотъ еще, милый человѣкъ, есть хорошее слово: к о н с т и...

Но, едва онъ сіе произнесъ, какъ въ рукахъ его осталось пустое пальто; человѣкъ же, въ ономъ пальто содержавшійся, — куда дѣвался, неизвѣстно. А предъ охотникомъ — откуда ни возьмись, очутился дворянинъ Павловъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“:

— Договаривай, — приглашаетъ, — договаривай, такой-

сякой! Вотъ, какъ договоришь, тутъ я тебя и растерзаю.

Но охотникъ оказался малый не промахъ и долголѣтнею практикою Эзопова языка ужасно какъ обострен̀ъ.

— И договорю, — отвѣчаетъ. К о н с т и ... п а ц і я! Что? в з я л ъ? Имѣю констипацію, — и шабашъ! И ничего ты со мною сдѣлать не можешь! Констипація, любезный, дѣло благонамѣренное: сенаторы, министры, архіереи, члены государственнаго совѣта — вотъ какая публика констипаціей то одержится!

И восторжествовалъ: долженъ былъ дворянинъ Павловъ изъ когтей его выпустить и отойти съ посрамленіемъ. Но, отходя, ворчалъ себѣ въ усы:

— Констипація, констипація... западники! крамольники... Нѣтъ того, чтобы сказать патріотически, прямо по русски: запоръ!

А охотнику бысть гласъ съ небеси:

— О, жрецъ! Возвратись въ храмъ свой! Сколь ты ни изворотливъ, но вижу я: напрасно усердіе твое, и не тебѣ меня дозваться. Я къ тебѣ не приду, а, въ награду ловкости твоей, се — да пребудетъ съ тобою божественная констипація до конца твоего вѣка!

Второй охотникъ задумалъ поймать богиню на географіи.

— Произносить имя богини, — соображалъ онъ, — опасно только на территоріи нашего города. А — какъ выбрался на сосѣднюю территорію, ори хоть во все горло: тамъ богиня — свой человѣкъ. Ну-съ, такъ — чтобы и невинность сохранить, и капиталъ пріобрѣсти, и богиню позвать, и у коннаго городового въ лапахъ не очутиться, — надо устроиться такъ, чтобы позвать то богиню на нашей землѣ, а самому оказаться на чужой.

И сѣлъ онъ въ курьерскій поѣздъ и поѣхалъ къ рубежу. И, еще задолго до рубежа, началъ подпрыгивать на сидѣньи и твердить въ тактъ грохоту вагонныхъ колесъ:

— Кон, кон, кон, кон, кон, кон, кон... конст, конст, конст, конст.... кон, кон, кон, кон, кон, кон, кон.... конст, конст, конст, к о н с т и....

А въ тотъ самый моментъ, какъ поѣздъ переходилъ ру-

бежъ, и локомотивъ былъ уже на чужбинѣ, а послѣдній вагонъ еще на родинѣ, — охотникъ вскочилъ и договорилъ:

— Туція!

Дѣйствительно, едва онъ произнесъ конецъ слова, богиня сейчасъ же явилась къ нему. Но на губахъ ея играла насмѣшливая улыбка.

— Здравствуй! Вотъ она я! Очень рада тебя видѣть. Но не понимаю, зачѣмъ ты такъ громко меня звалъ? Я здѣсь повсюду и не глухая...

— Я... я... звалъ, чтобы ты къ намъ въ гости пришла... — пробормоталъ обезкураженный охотникъ.

Звонко расхохоталась богиня.

— А, вмѣсто того, самъ ко мнѣ въ гости пріѣхалъ? Ахъ, ты, чудакъ, чудакъ!

Сконфузился охотникъ, обидѣлся. Говоритъ:

— Если такъ, то я лучше назадъ поѣду!

Отвѣчала богиня съ печалью:

— Ну, нѣтъ, это глупости... Назадъ тебѣ, другъ мой, уже нельзя... я на убой людей отъ себя не отпускаю..

Неудача двухъ охотниковъ такъ смутила и опечалила жрецовъ, что разошлись они по своимъ кельямъ — и каждый сталъ въ одиночку голову ломать и по книгамъ смотрѣть, какъ бы это устроить, чтобы и богиня къ нимъ пожаловала, и конный городовой того не видалъ. А въ храмѣ остались только двое служекъ: одинъ — совсѣмъ молоденькій, едва поступилъ въ храмъ жречеству обучаться, а другой — среднихъ лѣтъ, изъ простыхъ людей, руки мозолистыя, черныя, потому что давно уже повелось такъ, что онъ, за прочихъ жрецовъ, всю грязную работу по храму справляетъ.

Посмотрѣли служки другъ на друга. Молоденькій говоритъ:

— А что, Матвѣй, слыхалъ ли ты, что есть на свѣтѣ такая красивая штука, которая называется безумствомъ храбрыхъ?

Матвѣй отвѣчаетъ:

— Слыхалъ, братъ, и очень ее одобряю. А ты слыхалъ ли про штуку, которая называется мужествомъ отчаянія?

— Знаю, братъ, и штука эта — чрезвычайно какая сильная.

И долго они совѣщались. Наконецъ, молоденькій служка говоритъ:

— Жрецы наши народъ почтенный, но силъ этихъ уже не имѣютъ. И годы ихъ не тѣ, и жалованья они сытныя получаютъ, и семьи у нихъ благовоспитанныя, пріятныя, и фарфоровая посуда. А мы... намъ съ тобою, братъ Матвѣй, пожалуй, терять то и нечего?

Рабочій служка согласился:

— Что намъ терять, братъ Валерьянъ? Надо искать лучшаго, а хуже то ужъ и не бываетъ...

— Такъ — что намъ въ храмѣ то шептаться? Пойдемъ на площадь, братъ Матвѣй!

— Пойдемъ на площадь, братъ Валерьянъ.

И вышли служки вдвоемъ на площадь, и не смотрѣли они на пики, штыки и фитили, и стали они среди народа, и крѣпко взялись за руки, и громкими, ясными, дружными голосами, такъ что за облака было слышно, — грянули свѣтлое имя богини:

— **Конституція!**

И богиня, сіяющая и радостная, къ нимъ пришла...

Римъ.

3 (16) января 1905 г.

Сказка о слонахъ.

Мы читали вслухъ телеграммы изъ Россіи. Всѣ глаза были полны слезъ, и сердца надрывались жгучею, обидною скорбью безсильнаго гнѣва. Плакали русскіе, плакали иностранцы...

Старый другъ мой, англичанинъ Джонъ Мальтенъ, оставался въ сторонѣ отъ нашей группы. Онъ угрюмо молчалъ и, казалось, сосредоточилъ все свое вниманіе на огромной гравюрѣ, — единственной, украшающей нашъ салонъ. Гравюра — превосходная. Она изображаетъ подвигъ Арнольда Винкельрида: моментъ, когда швейцарскій герой, чтобы разстроить неодолимое каре имперскихъ ландскнехтовъ, обнялъ и вонзилъ въ грудь свою цѣлый снопъ ихъ длинныхъ копій... и, черезъ прахъ его, въ обезоруженную брешь живой крѣпости ринулась лавина мужицкой рати, выколачивая своими страшными дубинами ту гордую свободу, которая съ тѣхъ поръ, не омрачаемая, царитъ въ швейцарскихъ горахъ.

Когда мы остались съ Мальтеномъ вдвоемъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Взгляните на гравюру, любезный другъ... Какая черта поражаетъ васъ болѣе всего въ этомъ прекрасномъ, желѣзномъ Винкельридѣ?

— Но... конечно, героизмъ его самоотверженія, благородный фанатизмъ свободы, готовность положить душу свою за други своя...

— Такъ, такъ... — кивалъ головою Мальтенъ. Но для меня, сознаюсь вамъ, есть въ подвигѣ Винкельрида нѣчто еще болѣе привлекательное, изумительное и восхищающее: это — его вѣра...

— Вѣра?

— Да. Вѣра въ человѣчество, въ свой народъ, въ своихъ товарищей. Твердая вѣра, что, если онъ убьетъ себя такимъ страшнымъ способомъ, то подвигъ его не пропадетъ даромъ, не останется одинокимъ, что его личный героизмъ выростетъ въ героизмъ массы, и вся она ринется за нимъ, въ отворенныя имъ ворота, и — либо ляжетъ головами до послѣдняго человѣка, либо побѣдитъ... прекрасно и могущественно, свѣтло и вѣчно побѣдитъ!... Да!... Подвиговъ много, самоотверженныхъ людей, безстрашныхъ героевъ, благородныхъ фанатиковъ много въ исторіи, но этотъ Винкельридъ всегда приводилъ меня въ восторгъ практическою цѣлесообразностью своей жертвы... Его подвигъ — одинъ изъ немногихъ, дѣлающихъ честь равно и самому герою, и народу, для котораго герой собою жертвуетъ... Арнольдъ Винкельридъ — счастливѣйшій человѣкъ: онъ вѣрилъ въ свой народъ, и народъ оправдалъ его вѣру! Хорошо чувствовать себя въ такой атмосферѣ единства... тогда, должно быть, въ самомъ дѣлѣ, не страшно умирать!

Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Меня всегда ужасаютъ и трогаютъ до слезъ жертвы сознательно напрасныя, жертвы-пробы...

— Жертвы на авось, — печально подумалъ я.

— Жертвы, не увѣренныя въ результатахъ своего мученичества, жертвы, испытывающія собою почву вѣка и зрѣлость его... Жертвы искупленія!... Герои идеалисты, обманутые тщедушнымъ вѣкомъ, не вызрѣвшимъ до ихъ прекрасныхъ дѣлъ и мыслей... Меня терзаютъ и мучатъ эти героическіе порывы, не встрѣчающіе героическаго отклика... эти смерти — съ прекраснымъ упованіемъ на будущее, но въ тяжкомъ и оскорбительномъ разочарованіи современностью.

— Что дѣлать? вздохнулъ я. Нѣтъ времени, когда бы

не было такъ, нѣтъ народа, который бы того не пережилъ и тысячу разъ не испыталъ...

— Да, конечно, — сказалъ Мальтенъ. Новости подъ луною — дѣло рѣдкое... Но старое то возмутительно! И примириться съ нимъ... это — нравственная тошнота! А было... разумѣется, всегда было! Хотите, я разскажу вамъ индійскую сказку именно на этотъ самый сюжетъ?...

— О, пожалуйста!

— Вы любите индійскія сказки?

— Еслибы я не любилъ ихъ, то былъ бы неблагодарнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы, русскіе публицисты, только и могли разговаривать съ читателемъ, что посредствомъ индійскихъ, китайскихъ, персидскихъ и прочихъ сказокъ. Да, кажется, и опять наступаетъ для насъ такое благодатное время. Какъ же мнѣ не любить индійскихъ сказокъ?! Пожалуйста! пожалуйста!

* * *

Жило-было стадо дикихъ слоновъ. И вотъ — слоны сожрали вокругъ себя весь подножный кормъ и перекочевали на новое мѣсто. Сожрали подножный кормъ и тутъ, — покочевали дальше. И такъ кочевали они, поднимаясь выше и выше къ сѣверу, покуда не очутились въ обширной долинѣ, окруженной горами. Въ горахъ этихъ былъ единственный проходъ, узкій, тѣсный, опасный, да и тотъ сейчасъ же заняли и укрѣпили люди. Они давно замѣтили огромное стадо слоновъ и рѣшили поработить его. Но напасть на слоновъ открытою силою не смѣли, потому что слоновъ было очень много, они были сыты и очень сильны.

Когда слоны замѣтили, что истощается подножный кормъ въ долинѣ, они задумали, по обыкновенію, перекочевать дальше къ сѣверу, гдѣ горъ не было, но дорогу имъ загородилъ лѣсъ колючихъ растеній, вооруженныхъ такими крѣпкими и свирѣпыми иглами, что летѣла клочьями, при малѣйшемъ при-

косновеніи къ нимъ, даже толстая слоновая шкура. Этотъ страшный колючій лѣсъ остановилъ слоновъ.

— Прежде, чѣмъ жертвовать собственною шкурою, — сказалъ слоновій вожакъ, — посмотримъ и убѣдимся, точно ли нѣтъ другого выхода изъ долины, кромѣ того, который заняли люди, желающіе насъ поработить...

Они искали. Проходили дни. Корма становились со дня на день скуднѣе. Люди въ горномъ проходѣ понимали слоновую нужду. Они наворотили на своихъ вышкахъ огромнѣйшіе стога сѣна, соблазнительные, аппетитные. И многіе дикіе слоны, желудкомъ и характеромъ послабѣе, прельщались приманкою вкуснаго сѣна... шли за сѣномъ... и уже не возвращались къ стаду: люди опутывали ихъ веревками, цѣпями, приручали ласкою и побоями къ неволѣ, кормили, поили и — заставляли работать на своихъ хозяевъ.

Вожакъ собралъ стадо и сказалъ:

— Дѣти мои! Къ величайшему моему сожалѣнію, я убѣдился, что иного выхода изъ долины, кромѣ того, который во власти людей, нѣту въ этихъ страшныхъ горахъ. Этотъ же проходъ люди сдѣлали неприступнымъ. Корма наши въ долинѣ бѣднѣютъ съ каждымъ днемъ, мы уже голодаемъ. Три рѣшенія можемъ мы принять: погибнуть голодною смертью, поработиться людямъ и третье — сохранить жизнь и свободу, прорвавшись къ сѣверу сквозь этотъ ужасный, колючій, дѣвственный лѣсъ. Птицы принесли намъ вѣсти, что онъ тянется всего на сто миль, — дальше разстилается необозримая, вѣчно зеленая, сочная, богатая степь... Вотъ вамъ — три возможности, выбирайте любую...

Слоны единогласно рѣшили:

— Конечно, прорываться и спасать свою свободу!

И постановлено было — немедленно идти отряду слоновъ и расчищать дорогу, чтобы пройти стаду. Отрядъ слоновъ работалъ цѣлый день, возвратился измученный, съ окровавленными хоботами. Говорятъ:

— Мы не расчистили и десяти сажень. Такъ и впиваются въ хоботы проклятыя колючки. Колючія деревья держатся на корню очень слабо, и опрокидывать ихъ легко, но колючки

ихъ неодолимы... Завтра посылайте другой отрядъ: мы изнурены, мы не можемъ...

И, дѣйствительно, въ ночи многіе изъ нихъ умерли.

И такъ было на другой день съ другими слонами, на третій день — съ третьими. А время шло, и голодъ свирѣпствовалъ, и слоны гибли, и люди приближались.

Тогда одинъ молодой слонъ сказалъ своимъ сверстникамъ.

— Это неправда, что колючки неодолимы. Надо только не пожалѣть себя, а одолѣть ихъ очень возможно. Отъ этой работы хоботами понемножку, да полегоньку — нѣтъ никакой пользы: только — хоботы въ крови. Если ужъ нужно жертвовать кровью, то пусть льется она хотъ изъ всего тѣла, да — съ пользою. Я, товарищи, предлагаю вамъ слѣдующее. Колючки ужасны, но колючія деревья держатся на корню очень слабо. Если мы ринемся съ разбѣга нашими огромными тушами въ ихъ чащу, то очень можетъ быть, что мы то погибнемъ, но для стада образуется широкая и огромная просѣка, по которой оно спокойно пройдетъ къ свѣжимъ кормамъ свободной степи.

Молодые слоны радостно приняли предложеніе товарища. И вотъ — на завтра, собрались они на холмѣ цѣлою сотнею головъ и, съ холма, дружною массою бросились на мрачный, молчаливый, зловѣщій, колючій лѣсъ. Однихъ колючки остановили сразу, другіе боролись съ колючками, покуда не начали слабѣть и истекать кровью. Кто, чувствуя свои раны, отступалъ, кто шелъ впередъ, хоть до самой смерти. Кто упалъ послѣ пятидесяти сажень, кто послѣ ста, кто прошелъ милю, кто двѣ... Слонъ-зачинщикъ проломилъ своею тушею уже десять миль, когда пошатнуло его, и понялъ онъ, что колючки, истерзавшія его тѣло, выпили его кровь, и онъ — побѣждая, умираетъ... Упалъ слонъ. Оглянулся: онъ одинъ. Далеко гдѣ то, далеко видны мертвыя туши погибшихъ товарищей... Въ небѣ летятъ журавли. Спрашиваетъ ихъ умирающій слонъ:

— А что? далеко ли еще до конца колючаго лѣса?

Отвѣчаютъ журавли:

— Нѣтъ, слонъ, не такъ, чтобы очень далеко, — всего лишь — сколько ты прошелъ, такъ девять разъ столько...

Обрадовался слонъ.

— О! говоритъ, — значитъ, нужно всего лишь девять такихъ же слоновъ, какъ я, чтобы покончить просѣку... Летите, журавли, къ нашему стаду, скажите слонамъ, чтобы присылали охотниковъ продолжать мою работу.

Улетѣли журавли. А слонъ лежитъ, умираетъ и ждетъ. И ждетъ напрасно. Не идутъ слоны-смѣнники! А между тѣмъ — видитъ слонъ: колючки, имъ вчера растоптанныя, оказываются живучія... поднимаются понемножку... ростки пускаютъ... А смѣнники не идутъ!... Лежитъ слонъ, околѣваетъ, и — подлѣ него — никого... Рѣетъ подъ облаками ястребъ. Собрался съ силами слонъ, крикнулъ ему:

— Скажи слонамъ, чтобы — по крайней мѣрѣ — не позволяли просѣкѣ заростать...

И — съ тѣмъ умеръ.

А слоны, тѣмъ временемъ, топтались въ долинѣ и толковали. Одни говорили:

— Безумное предпріятіе — безумно и кончилось!

Другіе:

— То-то, молодо-зелено... Терять то въ жизни, видно, еще нечего — ну, вотъ своей головы и не жаль...

Третьи:

— Напрасная трата силъ... Только погубилъ себя и другихъ... Да и кто поручится, что онъ выбралъ лучшее направленіе для просѣки?

Четвертые:

— Мы по протоптаннымъ дорожкамъ ходить не охотники: самолюбіе не позволяетъ. Не геній какой нибудь былъ вашъ слонъ! Отыщемъ дорогу и безъ него...

Пятые находили, что слонъ не только не помогъ бѣдѣ, но даже испортилъ дѣло: колючки и безъ того трудно проходить, а тутъ еще теперь такія горы трупья навалены.

Шестые говорили:

— Мы справедливы и признаемъ, что слонъ поступилъ молодецки, но... у насъ есть свои вожди... съ какой же стати намъ слѣдовать по стопамъ чужой партіи?

Были и такіе, что разсуждали:

— Конечно, голодъ не тетка... но — колючки... это — ужасно! Это совсѣмъ взбѣситься надо, чтобы лѣзть на колючки... лучше поститься, покуда возможно... время все выяснитъ!

Слоны судили и рядили, а сломанныя колючки пускали ростки!

Люди, наблюдавшіе слоновъ изъ своего города въ горномъ проходѣ, очень было испугались, когда молодые слоны ринулись грудью въ колючую чащу: они то хорошо понимали, что въ колючкахъ могутъ погибнуть сто, двѣсти, триста слоновъ, но стоитъ лишь одному изъ нихъ пробиться къ вольной степи, и всѣ остальные дикіе слоны спасены, и, сбѣжавъ сквозь кровавый, живыми тѣлами продавленный, корридоръ, — уйдетъ и прости-прощай, богатая добыча! Но, когда люди, съ удивленіемъ, убѣдились, что слоны и не думаютъ продолжать просѣку, начатую молодымъ слономъ, но только машутъ по цѣлымъ днямъ хоботами, качаютъ головами и топчутся толстыми ногами, какъ бы совѣщаясь и споря между собою, то успокоились, заулыбались и радостно говорили другъ другу:

— Кто выдумалъ сказку, будто слонъ уменъ? Скотина — какъ всѣ скоты, обреченные намъ въ рабство... Смотрите, какъ они — чѣмъ бы работать — глупо топчутся на одномъ мѣстѣ. Теперь они наши! Ни одинъ не уйдетъ!

А голодъ дѣлалъ свое дѣло. Между слонами уже многіе умильно поглядывали на стога сѣна, выставленные людьми на приманку. Раздавались уже голоса, что, конечно, слоновья воля хорошая штука, но — не околѣвать же ради нея...

— Можетъ быть, люди совсѣмъ ужъ не такъ и худы, какъ о нихъ разсказываютъ. Правда, они заставляютъ слоновъ работать, зато — смотрите, какимъ сѣномъ кормятъ...

Слонихи стонали о голодѣ своихъ дѣтенышей. Слоны, нравомъ помягче, стонали о голодѣ своихъ слонихъ... А колючки пускали свои ростки.

Начались побѣги изъ слоновьяго стада къ людямъ и къ ихъ свѣжему, душистому сѣну. Каждый день пропадали слонъ, другой, третій... Осмѣлѣвшіе люди спустились изъ горнаго прохода въ предгорья, смотрѣли и ждали, когда какой либо

слонъ ослабѣетъ отъ голода, — тогда они или убивали его и уносили его клыки, или надѣвали на него путы и уводили въ неволю. Слоны ужасались, стонали, выли, проклинали, но выхода изъ своего тяжкаго положенія не находили... О молодомъ слонѣ и его безумной затѣѣ всѣ давно забыли и думать. Только ястребъ порою пронзительно кричалъ подъ облаками:

— Не давайте заростать просѣкѣ! Не давайте, по крайней мѣрѣ, заростать просѣкѣ!

Но — разумнымъ ли, твердо стоящимъ на землѣ, слонамъ слушать крики глупой подъоблачной птицы? И никто изъ слоновъ не давалъ себѣ труда понять, зачѣмъ и что кричитъ ястребъ... А колючки росли.

Въ одну ночь люди напали на ослабѣвшихъ дикихъ слоновъ въ самомъ ихъ становищѣ: сколькихъ убили! сколькихъ искалѣчили! сколько увели въ плѣнъ!

Тогда вожаки стада собрались еще разъ на совѣтъ, и самый старшій сказалъ:

— Мы испробовали всѣ разумные способы, какъ спастись, но дѣла наши идутъ все хуже и хуже. Остается теперь — либо сдаться торжествующимъ людямъ и стать ихъ рабами, либо умирать голодною смертью. Но — нечего дѣлать! гдѣ не помогаетъ разумъ, иногда надо призвать на помощь безуміе... Послѣдняя попытка, которую мы еще можемъ испробовать, это — продолжать работу того сумасшедшаго молодого слона... помните? Какъ ни какъ, онъ уже сдѣлалъ одну десятую часть просѣки... Ступайте, молодые слоны! начинайте работать тамъ, гдѣ вашъ покойный товарищъ кончилъ работать... Въ добрый часъ! спасайте родное стадо!

Послушались молодые слоны, отправились на работу, да сейчасъ же и возвратились.

— Что же вы? изумились старые слоны.

— Простите, старики: мы никакой просѣки не нашли.

— Какъ не нашли?! Слоновьимъ языкомъ говорятъ вамъ: начинайте съ того мѣста, гдѣ погибъ сумасшедшій молодой слонъ! съ того самаго мѣста!

— Къ тому мѣсту нѣтъ уже свободнаго хода, старики.

Колючки разрослись и снова все затянули своими шипами. Старая просѣка не существуетъ болѣе. Надо начинать новую, съ самаго, съ самаго начала... Надо ломать новую просѣку, — старой не существуетъ!

Поникли думными головами слоны...

А ястребъ кружилъ подъ облаками и кричалъ, кричалъ, кричалъ:

— Не давайте заростать просѣкѣ! не давайте ей заростать! не давайте заростать!

Рим[illegible]
10 (23) января 1905

[illegible] СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ